

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ДЖОН
УИЛЬЯМС

АВГУСТ
ОТЕЦ ИМПЕРИИ

Москва
2017

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84(7Coe)-44
УЗ6

John Williams

AUGUSTUS

Copyright © 1971 by John Williams. Published by permission
of the author and Frances Collin Literary Agency (USA)
via Alexander Korzhenevsky Agency (Russia)
Introduction copyright © 2015 by Daniel Mendelsohn

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Уильямс, Джон.

УЗ6 Август. Отец империи / Джон Уильямс ; [пер. с англ.
М. Л. Павлычевой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
384 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-93034-0

Первый римский император Гай Октавиан Август, создатель самого мощного государства древнего мира; человек, титулов которого хватило бы на всех остальных правителей того времени... Ему не было равных. Но он никогда не достиг бы всего этого, если б всю свою жизнь не принимал самые противоречивые решения. Октавиан приближал к себе врагов — и жестоко наказывал друзей. Он не моргнув пожертвовал судьбой собственной дочери — своего единственного ребенка — ради сохранения покоя в Риме. Он нарушил составленный им собственноручно закон, за воплощение которого боролся многие годы. Он не щадил никого, и в первую очередь себя, ради достижения великой цели — строительства империи. Но вот, на закате своих лет, повелитель мира задумался: а правильно ли он жил?..

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-93034-0

ООО «Издательство «Э», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сравнении с более ранними романами Джона Уильямса книга «Август» — готовящееся к изданию последнее произведение писателя, поэта и профессора, чей роман «Стоунер», не получивший признания в самом начале, в последние годы стал сенсацией, — может показаться странным. Прежде всего потому, что это единственный из четырех романов, имевший большой успех еще при жизни автора. Опубликованный в 1972 году, на следующий год «Август» был удостоен Национальной книжной премии США в области беллетристики. (Уильямс родился в Техасе в 1922 году и умер в Арканзасе в 1994 году. Он тридцать лет преподавал английский и творческое письмо в Университете Денвера.) Более того, этот роман по своему сюжету — насыщенная событиями жизнь и изменившая мир деятельность первого императора Рима — кажется очень далеким от других, типично американских произведений автора со скромными

героями и упрощенной манерой изложения. «Батчерз Кроссинг» (1960) — это история об одержимом трансцендентализмом Эмерсона молодом уроженце Бостона. В 1876 году он отправляется на запад исследовать «глушь», где, как он считает, «лежит главный смысл всей его жизни», и там участвует в жестокой охоте на буйволов, которая помогает ему оценить стоимость американской мечты. В «Стоунере» (1965) описывается мрачная и, судя по всему, безуспешная жизнь доцента английского языка в Университете Миссури в начале и середине прошлого века — человека крайне низкого происхождения, который воспринимает Академию как «убежище», место, где он наконец-то находит «хоть какую-то безопасность и тепло, то, чего он не ощущал дома, когда был ребенком». (От своего первого романа, «Ничто, кроме ночи», опубликованного в 1948 году, речь в котором идет о щеголе с психологическими проблемами, Уильямс впоследствии отказался.)

Было бы трудно найти фигуру, столь отличную от идеалистичных и в конечном итоге лишаящихся иллюзий героев, чем реальный правитель, известный в истории как император Август. Этот человек с многочисленными и сложными именами, данными ему при рождении и полученными при жизни, дополненными и тщательно продуманными, приобретенными и отброшенными за восемь десятилетий бурной и насыщенной жизни, является почти комической противоположностью героям двух других книг этого писателя, которых он нарек простыми именами. У обоих, как сразу заметит читатель, в качестве имени идет фамилия автора — Уильям Эндрюс и Уильям Стоунер, — и это совпадение вынуждает нас искать в его ранних романах элементы автобиографичности.

Однако в «Августе» такого искушения не возникает. Император, давший название возвышенной эпохе в политике и литературе, родился под именем Гая Октавиана Фурина в 63 году до Рождества Христова, в тот год, когда за-

нимавший государственный пост Цицерон сорвал попытку аристократии опрокинуть Римскую республику — систему правления, по которой император Август три десятилетия спустя нанесет последний, смертельный удар. Сын другого Гая Октавиана, состоятельного всадника из плебейской семьи, он рос в провинции, в двадцати пяти милях от Рима. Будучи слабым здоровьем, но умным и амбициозным подростком, он произвел впечатление на своего двоюродного деда по материнской линии, на Юлия Цезаря, который и усыновил его, в результате чего он позже стал зваться Гай Юлий Цезарь Октавий («Октавиан»).

В 44 году до Рождества Христова, после убийства Цезаря и его обожествления в соответствии с декретом Сената, осмотрительный девятнадцатилетний юноша, спекулируя на авторитете своего убитого родственника и стремясь упрочить свое положение в глазах ветеранов Цезаря, стал называть себя Гаем Юлием Цезарем, сыном Бога. К двадцати пяти годам, отомстив убийцам Цезаря — он разгромил Брута и Кассия при Филиппах, — новый Гай Юлий Цезарь благодаря ловкому маневру оказался на вершине власти Рима в качестве триумвира, одного из трех военных диктаторов. Одним из его соправителей был Марк Антоний, с которым он в конце концов поссорился. К этому моменту имена «Гай» и «Юлий» исчезают, и на их месте появляется «император» — военный титул, которым войска награждали успешного полководца.

В течение следующего десятилетия этот Император Цезарь, Сын Бога, успешно отвоевал абсолютный контроль над обширными римскими доминионами у единственного оставшегося соперника, Марка Антония, которого он разгромил при Акции в 31 году до Рождества Христова и который год спустя совершил самоубийство вместе со своей возлюбленной, Клеопатрой. Когда император отдавал приказ убить своего потенциального соперника, малолетнего сына Клеопатры Цезариона, чьим отцом, как считалось, был сам

Юлий Цезарь, он заметил, что «слишком много Цезарей — это плохо». Став в тридцать три года властителем мира, Октавиан принялся укреплять свою власть, умело облекая свое самодержавие в традиционные формы республиканского законодательства и строя правовой, политической и культурный фундамент для той империи, которая существует, в той или иной форме, следующие пятнадцать веков. И даже дольше: ведь нынешняя структура Римской католической церкви ведет свое происхождение от политических созиданий Августа.

Единственным титулом, который не использовал этот на удивление ловкий политик, был «*rex*», «король» — слово, вызывавшее отвращение у римлян; ведь двоюродного деда нашего героя убили именно из страха, что тот достигнет своей цели и станет «правлящим королем». Дальновидный властитель мира называл себя принцепсом, первым гражданином. В 27 году до Рождества Христова в благодарность новому Цезарю за окончание векового кровопролития в гражданских войнах и за установление политической стабильности в Риме и за его пределами римский Сенат проголосовал за то, чтобы наделить его дополнительным титулом, имеющим, как предполагалось, религиозное звучание: Август, «тот, перед кем благоговеют». Именно под этим именем он и вошел в историю как человек, не имеющий сходства с тем, каким он родился.

«Никакого сходства с собой прежним» — именно здесь прячется родство Августа с его двумя предшественниками. Главная тема произведений Джона Уильямса — это то, как со временем обстоятельства и случайность меняют наше восприятие самих себя. В романе об Августе автор изо всех сил старается заглянуть за сверкающую историческую пышность и сфокусироваться на неуловимой личности человека, который в большей степени, чем многие, был вынужден формировать новые «я», чтобы победить. Неожиданность финального романа Уильямса состоит

в том, что в конце выясняется: знаменитый герой ничем не отличается от других, разочарованных жизнью героев этого автора — людей, которые не лучше и не хуже многих из нас. Проблемы, возникавшие в этой захватывающей исторической саге, близки любому и типичны для человечества.

Жизнь первого императора — идеальная основа для исторического романа, жанра, который имеет наибольший успех, когда приверженность известным фактам уравновешивается богатым воображением автора, способным вдохнуть жизнь в характер и поступки героя. Август — это такая фигура, о которой мы знаем практически все и в то же время не знаем почти ничего, и это склоняет автора к описаниям и выдумке.

Еще при жизни императора писались его биографии и записывались слухи о нем, сочинялись мемуары и строились предположения. Один труд, древний эквивалент официально одобренной биографии, был создан современником Августа, который также появляется в романе Уильямса: это философ и историк Николай Дамасский, чей послужной список включает должность воспитателя при детях Антония и Клеопатры. Император самолично сочинил официальную биографию, «*Res Gestae Divi Augusti*» («Деяния божественного Августа»), и она, естественно, была использована для политической пропаганды: выгравированная на бронзовых табличках, которые установили у главного входа в его мавзолей. Позже этот труд был воспроизведен в надписях по всей империи.

Если верить Тациту, писавшему спустя век после правления Августа, личность императора была предметом бурного обсуждения современников, не понимавших его характер и мотивы. В своих «Анналах» этот историк пересказывает спор, который возник в 14 году нашей эры, в период смерти императора в возрасте семидесяти шести лет:

«Некоторые утверждают, что его вынудили вступить в гражданскую войну — ведь, опираясь на твердые моральные принципы, такую войну нельзя ни спланировать, ни реализовать — долг перед отцом (т.е. перед Юлием Цезарем) и насущные задачи, стоявшие перед государством, в котором в тот период правовым нормам не было места... и для страны, воюющей самой с собой, нет другого лекарства, кроме как власть одного человека. Государство, которое он основал, не называлось ни королевством, ни диктатурой, просто принципатом (государством, где руководство осуществляет “первый гражданин”)... для граждан существовало законодательство, союзникам оказывалось заслуженное уважение; он превратил столицу в величественный город и применял силу только в редких случаях, да и то для того, чтобы способствовать стабильности».

И тут же:

«С другой стороны, утверждалось, что долг по отношению к отцу и нужды государства были просто ширмой: по сути, движимый страстью властвовать, он взятками внес разлад в ряды ветеранов и, будучи очень молодым, собрал частную армию, которую усилил консульскими легионами... он вырвал пост консула у не желавшего назначать его на эту должность Сената и использовал вверенное ему оружие для войны с Антонием, против республики как таковой. Граждане подвергались проскрипции, земли делились... Естественно, после всего этого установился мир, но этот мир был пропитан кровью».

И в самом деле, вполне возможно, что император сам наделил свой образ определенной неясностью, дабы сохранить власть: если его характер и мотивы не поддаются разгадке, то то же самое должно относиться и к его действиям. Немудрено, что на его официальной печати был изображен таинственный, загадочный Сфинкс.

И вот как писать о такой личности? В «Августе» этот вопрос ловко вложен в уста того самого Николая, которо-

го отрядили писать биографию Первого гражданина. «Теперь ты... понимаешь, что я имею в виду? — пишет сбитый с толку ученый после встречи с Августом, чья знаменитая осторожность никак не вязалась со столь знаменитой склонностью к азартным играм. — Есть многое, о чем не говорится. Я почти уверен, что эта форма не приспособлена для того, чтобы я мог сказать то, что мне нужно сказать». Со стороны Джона Уильямса это шутка: та форма, о которой мечтает Николай — и которую Уильямс, естественно, уже применяет, — это эпистолярный роман, изобретенный лишь через пятнадцать веков после Августа, когда Диего де Сан-Педро написал «Темницу любви» (1485), считающуюся первым произведением этого жанра. Однако же корнями он уходит прямиком во времена правления Августа: римский поэт Овидий — он тоже является героем этой книги и любит посплетничать о последних событиях императорского двора — сочинил труд под названием «Героиды», представляющий собой стихотворные послания одной таинственной дамы своим любовникам. Склонность этого знаменитого литератора посплетничать стала для него роковой: по всей видимости, именно участие в скандале вокруг семьи императора и стало причиной его ссылки в суровые земли на берегу Черного моря.

Эпистолярная форма, которая так долго ассоциировалась только с романтическими произведениями, идеально подошла для проекта Уильямса. Портрет, создаваемый в романе, преломляется не только через выдуманные письма, но и через записи в дневнике, сенаторские декреты, военные приказы, частные записки и незаконченные истории. Весь этот комплекс чрезвычайно увлекателен, и его можно назвать в меру импрессионистским. При выборе жанра Джон Уильямс, несомненно, находился под влиянием написанного в 1948 году романа Торнтон Уайлдера «Мартовские иды»: в нем события, приведшие к убийству Юлия Цезаря, представлены через вымышленные письма и документы,

которые перемежаются цитатами из существующих трудов реальных личностей, таких, как поэт Катулл, современник и близкий знакомый Цезаря, и историк Светоний, живший в I веке нашей эры. В «Августе» авторы выдуманных писем и документов — реальные фигуры, за редким исключением, и Уильямс, которому очень не терпелось просто «проапдейтить» прошлое историческим вымыслом, явно пырвался придать своим героям черты известных личностей. Работая над «Августом», он был настроен на то, чтобы, как он сам писал в одной записке, у него «не получился Генри Киссинджер в тоге».

Возьмем, к примеру, острого на язык и самодовольного оратора Цицерона, который, несмотря на свое противостояние с Юлием Цезарем, в какой-то момент сблизился с юным Октавианом. Сначала Цицерон опрометчиво недооценил юношу. «Мальчишка — ничто, и нам нечего бояться его... Я всегда был добр к нему и верю, что он восхищается мною... Знаю, я слишком большой идеалист, даже мои дражайшие друзья не отрицают этого». Или вот еще знаменитый Овидий — он рассказывает своему другу Проперцию, как из императорской ложи смотрел соревнование колесниц, и этот рассказ изящно украшен столь характерной для него поэтичностью. «Когда солнце начало на востоке просовывать свои лучи сквозь лес зданий Рима, неся свет городу».

Даже эти личности, оставившие мало примеров своего литературного стиля, действуют в романе как обычные люди и, насколько это позволяют исторические хроники, выглядят абсолютно реалистично. Меценат, осторожный родовитый покровитель искусств и близкий друг Горация, Вергилия и Августа — который насмехается над декадентским стилем своего друга, — изображен эстетом, чье ворчание («много сказано об этих глазах, причем сказано по большей части плохим стихом и еще худшей прозой») скрывает стальную твердость характера, но трудно пред-

ставить, чтобы император с радостью терпел поверхностных людей. Третья жена Августа, амбициозная Ливия, мать его преемника Тиберия, показана нам холодным прагматиком и такой же коварной, как и ее окружение: это более убедительный персонаж, чем ужасная, словно из Гран-Гиньоля, отравительница в «Я, Клавдий» Роберта Грейвза. «Наше будущее важнее, чем мы сами», — бесстрастно пишет у Уильямса Ливия своему сыну, требуя, чтобы тот развелся с любимой женой, дабы заключить династический брак с дочерью Августа, Юлией, которую он терпеть не может. Чтобы дать сжато-прозаичную, «официальную» версию событий, Уильямс придумывает выдержки из утерянных мемуаров Марка Агриппы, автора многих военных побед, ближайшего друга юности Августа, а также его зятя и отца его наследников: «И после того, как триумвират состоялся и римские враги Юлия Цезаря и Цезаря Августа были низвергнуты, на Западе еще оставалась мощная сила в лице Секста Помпея, а на Востоке — в лице высланных убийц божественного Юлия...» Джон Уильямс знает, как задействовать стилистическую ритмику: Агриппу он наделил привычкой начинать свои предложения с «и». Наверное, более ранние романы этого писателя можно критиковать за то, что он иногда старается «приукрасить» свой труд, и это вредит достоверности: в частности, Эндрюс в «Батчерз Кроссинг» часто выражается высоким стилем, когда ссорится с молодыми людьми. Вентрилоквизм, насаждаемый эпистолярной формой «Августа», спасает Уильямса от этого порока. В этом труде автора все тщательно выверено.

При создании «Августа» он сделал один тонкий ход, а именно принял решение ввести голос императора только в самом конце: мы слышим этот голос в долгом (и опять вымышленном) письме Августа к Николаю Дамасскому. Письмо это составляет третью и финальную часть романа. Нет ничего удивительного в том, что рассказ императора

о прошлом не согласуется с многочисленными предположениями и домыслами, предшествующими ему в романе. Выясняется, к примеру, следующее: то, что друзья юного Октавиана воспринимали как слезы, вызванные горечью и замешательством от новости об убийстве Цезаря, не было проявлением каких-либо чувств — во всяком случае, престарелый император хочет убедить в этом того, кому он пишет: «я ничего не почувствовал... навалилось безразличие», за которым последовал «небывалый подъем... я понял свое предназначение». Словно для того, чтобы подчеркнуть непреодолимое расстояние между тем, что кажется, и тем, что есть на самом деле, между формальным и неформальным, между публичным и личным изложением фактов нашей жизни, Джон Уильямс перемежает эту кульминационную мини-биографию выделенными курсивом выдержками из «Деяний божественного Августа». И где же правда жизни? Для автора этого романа, чьи интересы лежат в области не только истории, но и историографии — науке о том, как пишется история, — это вопрос полон иронии. Прочитав официальную биографию, написанную Николаем (и размышляя над официальной автобиографией), Август Уильямса сухо замечает, что «когда я читал все эти труды и писал свои слова, у меня складывалось впечатление, будто я читаю и пишу о человеке с моим именем, но совершенно чужом».

Проницательный исторический романист только выигрывает от тех сложных задач, что ставит перед ним непознаваемость. Как и лучшие произведения в жанре исторической беллетристики об античности — «Воспоминания Адриана» Маргариты Юрсенар, «Мартовские иды» Уайлдера, романы о Клавдии Грейвза, роман «Последняя капля вина», в котором Мари Рено воскрешает в памяти Афины V века, — «Август» показывает прошлое, не делая попыток воссоздать его.

Ведь попытка просто воссоздать прошлое не оставила бы места для серьезной литературной проблемы ни в «Августе», ни в других работах автора. В 1985 году, давая интервью, Уильямс описал то, в чем видел общую тему для «Стоунера» и «Августа»: «В обоих случаях я писал о системе государственного управления, о личной ответственности, о вражде и дружбе... Интриги, нацеленные на то, чтобы заполучить власть в каком-нибудь университете, такие же, как и в Римской империи, отличие только в масштабах...» Тема влияния власти (и борьбы за власть) на личность родилась из одного события, случившегося в период правления Августа, — оно захватило воображение Уильямса и побудило его приступить к созданию романа. Вскоре после выхода в свет «Батчерз Кроссинг» автор впервые услышал историю разрушительного скандала, который погубил и империю, и семью императора. Во втором году до Рождества Христова императора вынудили отправить Юлию, любимую дочь и единственного ребенка, в ссылку на крохотный островок под названием Пандатерия. Одним из обвинений было прелюбодеяние — нарушение строгого нравственного законодательства, введенного ее отцом, как элемента кампании по возрождению старых римских норм морали в его новом государстве. К этому моменту дочь императора, пойманная в ловушку брака с ненавистным Тиберием, прославилась своими любовными похождениями, которые вызывали всеобщее возмущение. А еще ее обвиняли в государственной измене: существуют четкие указания на то, что мужчины, которых она выбирала себе в любовники, являлись участниками заговора, имевшего целью убийство Тиберия.

В этой истории о пылкой женщине, ставшей жертвой губительного конфликта страсти и обязательств, Джон Уильямс увидел захватывающую тему, то, что он называл «раздвоение между общественной необходимостью и личными